

АНТОНИНА
КРЕЙН

ШОЛОХ
ПРИЗРАЧНЫЕ РОЩИ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

АНТОНИНА
КРЕЙН

ШОЛОХ
ПРИЗРАЧНЫЕ РОЩИ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К79

Иллюстрация на переплете *Елизавета Финей*
Иллюстрация в блоке *Mimiri*
Дизайн обложки *Радиа Фахрутдинова*

Крейн, Антонина.

К79 Шолох. Призрачные рощи / Антонина Крейн. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-04-211492-2

Странные дела творятся в Шолохе, столице Лесного королевства.

Дерзкий преступник ведет обратный отсчет, совершая скандальные нападения и оставляя зашифрованные письма. Дети исчезают из Тернового замка — сумрачного приюта, затерянного среди болот. Полынь — лучший детектив Иноземного ведомства — что-то скрывает, а в лесу по ночам танцует призрачный культ...

Ловчей по имени Тинави предстоит не только разобраться с этими загадками, но и найти ответы на главные вопросы: о жизни и смерти, честности и любви. Ведь именно от них иногда может зависеть судьба целого королевства.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211492-2

© Крейн А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Иногда, чтобы найти свой путь,
сначала приходится заблудиться.*

1 ДЕЛО О ТАНЦУЮЩЕМ ЛЕПРЕКОНЕ

Я слышу голос, что зовет неведомо куда,
Прозрачной поступью уводит сквозь листву,
И расступается трава, поет вода,
И шепот сердца оттеняет тишину.
Я слышу голос. Вновь.
И начинаю путь...

Старинная дэльская песня

— То есть вы утверждаете, что лепреконе по имени Эндерлан Очоа мертв?

— Не утверждаю, а надеюсь!

Я подняла глаза от изумрудной ведомственной папки и удивленно посмотрела на свидетеля. Он был травником. Вынырнул откуда-то из чащобы и теперь отвечал на вопросы, сжимая в руках пучок зверобоя.

Рядом с ним позевывал Полынь из Дома Внемлющих — мой куратор в Иноземном ведомстве, одетый, как всегда, эксцентрично, но позой своей воплощающий истинную невозмутимость. В ответ на реплику травника Полынь эдак с сомнением приподнял проколотую левую бровь.

Вокруг нас троих шумела кленовая роща, напоенная мягким утренним светом. Поскрипывала кора, будто предвкушая интересный день; за холмом журчала река. Птицы с шорохом пролетали над лесной тропинкой, по краям обозначенной светлыми камешками. Шепталась листва... Весь мир был зеленым и золотым.

И только лицо нашего свидетеля по имени Миртилл Добрый — красным от гнева.

— Мертв лепрекон, надеюсь! — повторил он, несколько противореча своей фамилии, и грозно потряс кулаком.

За спиной у Миртилла будто в знак согласия пыхнула дымом печная труба лесной хижины. Возле нее на аккуратных грядках шуршали целебные травы, а на деревьях покачивались стеклянные домики, подвешенные на нитках и заполненные колокольчиками. Они предназначались для вайтов.

Сами вайты — прозрачно-голубые духи воздуха — были тут как тут, играли в своих владениях. Травник держал для них приют.

— Господин Добрый, но ведь надеяться на чью-то смерть — это не очень-то хорошо? — осторожно намекнула я. — Ну или как минимум не стоит с ходу говорить об этом двум Ловчим, пришедшим к вам для допроса.

— Милая! — Травник патетически прижал руки к груди. — Если бы *вы* знали этого лепрекона, вы бы не только надеялись на его кончину, но и сразу перешли бы к активным действиям по его умерщвлению! — Миртилл кивнул на Полынь: — Вы — так точно!

— Хм. Предположим, это комплимент, — хмыкнул куратор и потер подбородок.

От этого жеста многочисленные браслеты на запястьях Полыни зазвенели, а в прическе дружно звякнули бубенчики и крысиные косточки на цветных нитках.

Манящее бряцание породило неожиданный эффект...

6 А именно: вайты — любители всего необычного — невяще замерли в стеклянных домиках, а потом все как один повернулись к нам и, бросив игры, по зеленому саду рванули к Ловчему со счастливым писком.

— Ох, — только и сказал Полынь, оценив летящую к нему армию, любвеобильную и трепещущую.

Не прошло и мгновения, как Ловчий исчез за пеленой волшебных существ.

— Полынь? Ты как там? — опешила я.

И, расслышав за гулом вайтов что-то вроде «Все под контролем! Продолжайте!», вновь обратилась к флегматично-мрачному травнику:

— Хорошо, господин Добрый, могли бы вы тогда рассказать, пожалуйста, чем же так плох ваш сосед?

Вот тут-то его и прорвало.

— Начнем с того, что он чучельник-браконьер, и совершенно бессовестный! — прогремел Миртилл Добрый. — Потрошит даже туманных ланей — а ведь это такие редкие существа!.. И никак его не прижучишь: у него влиятельные заказчики. А еще Эндерлан Очоа — культист! Вместе с другими такими же умалишенными он ночами пляшет вокруг костров. Голый! И ведь плохо пляшет, бесстыдник!

— А откуда вы знаете? Наблюдаете на досуге?

— Да, было дело!

Я поперхнулась, и Миртилл обиженно объяснил:

— Мне пришлось... Прошлой осенью эти культисты не уследили за костром. Если бы я не вмешался, сгорело бы наше Лесное королевство к праховой бабушке! Я тогда хорошенько их шуганул, и теперь они танцуют где-то ближе к городу, что тоже опасно. Но при этом животных лепрекон продолжает убивать здесь.

И он рукой широко обвел поляну. Как раз в этот момент волшебные цветы *кармайны*, чем-то похожие на маки, очень кстати раскрыли алые лепестки навстречу взошедшему над лесом солнцу и теперь, при должном воображении, могли показаться лужами крови.

— Кстати, о животных. — Я побарабанила пальцами по документам. — У нас сказано, что последний раз вы видели лепрекона три дня назад. Если он браконьер, то, возможно, просто сидит в засаде?

— Нет. Точно нет! Во-первых, он не явился на пляшущий обряд своего культа — его так называемые коллеги пришли ко мне узнавать, где их друг... Дело в том, что для них танцы — чуть ли не смысл жизни, так что по своей воле лепрекон не пропустил бы собрание.

— О каком культе вы все время говорите?

— Культ Жаркого Пламени. Слышали о таком?

Я кивнула. О нем изредка писали в газетах, а недавно у нас в департаменте Ловчих сотрудники посмеивались над рекламным объявлением, чей бодрый заголовок гласил: «Культ Жаркого Пламени — горячее хобби для отчаявшихся!»

Все сходились на том, что участники культа были достаточно безобидными ребятами. Они полагали, что время шести богов-хранителей ушло, сами хранители мирно рассыпались в прах и во вселенной уже давно царят новые божества. Если начать поклоняться им прямо сейчас — танцую вокруг костров без одежды, ага, — то можно войти в ряды избранных. Застолбить себе местечко в грядущем золотом веке, так сказать. И, конечно, завести интересные знакомства, подтянуть физическую форму и закалиться: ведь ночи в лесу бывают ужасно холодными...

Будучи человеком, знающим наших богов-хранителей лично, скажу прямо: Культ Жаркого Пламени катастрофически ошибается в своих постулатах. Но если люди хотят танцевать — пусть танцуют! Голой попой в чаще сложно кого-нибудь оскорбить.

— Вы сказали «во-первых», — напомнила я свидетелю. — А что во-вторых?

— А во-вторых, две ночи назад над рекой пронесся страшный вопль. Я сначала не среагировал: мало ли, может, он так поет, идиотина? Но сегодня утром я отправился на рыбалку и увидел, что лодка лепрекона стоит у его островка, привязанная. А ведь он бы без нее никуда не делся! Вот тогда я в Шолох птичку и послал.

8 Пока я пыталась понять, что же такое «утро» для фермера, если к нам в департамент его жалоба поступила уже в пять тридцать, Полынь успел полюбовно договориться с вайтами и освободиться от их навязчивого внимания.

Куратор прочел им краткую, но емкую лекцию о соблюдении личного пространства. И, судя по тому, как осторожно духи зависли в полуметре от Ловчего, они впечатлились. Теперь даже крылышками, кажется, не шевелили. Просто смущенно висели, и все: прерогатива потусторонних.

— Что ж, — сказал Полынь. — Покажите, где живет ваш сосед. И одолжите лодку, пожалуйста.

Золотая паутина солнечных зайчиков дрожала на реке. Нежно-зеленые ветви плакучих ив стелились вдоль берегов, как русалочки волосы. Тихое жужжание вайтов навевало сон: духи воздуха все-таки увязались за нами и теперь, полные обожания, вились вокруг нас, вырисовывая сердца.

Мы вдвоем сидели в очаровательной лодке-плоскодонке. Лучи солнца приплясывали на плотной шелковой ткани наших плащей-летяг: моем бирюзовом и темно-фиолетовом — Полыни. Было достаточно жарко для первого весеннего месяца, даже с учетом того, что климат в Лесном королевстве куда приятнее, чем в соседних странах. Уже в феврале у нас начинается цветение, а к концу марта, как сейчас, Шолох и вовсе полон красок. И не только в природе. Так, на моих скулах уже переливался персиковый румянец — предвестник загара, в волосах появлялись более светлые рыжие пряди, да и Полынь казался особенно ярким — отдохнувшим и благополучным, что было удивительно с учетом нашего сегодняшнего слишком раннего подъема.

Догребя до середины реки, Полынь бросил весла и позволил течению мягко потащить нас вниз, к югу — туда, где минут через пятнадцать должен был появиться островок с хижинкой лепрекона. А пока Ловчий деловито достал из сумки стопку бумаг с ведомственными гербами в углах.

*Тинави из Дома Страждущих.
Характеристика сотрудника,
рекомендованного к повышению, —*

гласила шапка документа. Первые страниц двадцать уже были густо исписаны летящим, с резким наклоном почерком Внемлющего.

Сейчас Полынь открыл двадцать первую и стал что-то строчить, прикрывая текст шелками хламиды. Легкая полуулыбка, притаившаяся в уголках губ куратора, и долгие взгляды в мою сторону — ну о-о-очень задумчивые — вызвали у меня нервный тик.

— Небо голубое, Полынь! — наконец не выдержала я, своим криком спугнув лягушку на ближайшей кувшинке. — Ну

зачем ты *всегда* пишешь мою характеристику при мне? Это же попытка какая-то, честное слово!

— А может, я боюсь без тебя потерять вдохновение? — прищурился он.

Черкнул еще одно слово и вдруг вслух хохотнул — всего один раз, но очень уж злодейски.

— Да что там такое?! — Я сиганула вперед по лодке.

Нас качнуло, вайты прыснули прочь, жужжа и посвистывая.

Полынь отдернул руку с бумагами назад, угрожающе опустив их к речной воде. Другую руку он эдак утешающе положил мне на плечо — заодно не позволив грохнуться — и покачал головой:

— Нет. Я не могу тебе этого показать, сама знаешь: правило департамента.

— Почему ты следуешь правилам только тогда, когда тебе это выгодно? — насупилась я.

Коллега с сожалением развел руками: ну вот так получилось. Грешен, Тинави, грешен. Увы.

Я вернулась на место и оставшееся время речной поездки завороченно следила за тем, как Ловчий заполняет характеристику — загадочный рассказ о моей работе, сильных и слабых сторонах, а также профессиональных перспективах на его, куратора, взгляд.

Я сопела. Он ржал.

Так мы развлекались уже несколько месяцев, с тех самых пор, как закончились стандартные полгода моей стажировки в департаменте Ловчих.

10 Если что, Ловчими в Шолохе называют детективов по делам чужестранцев и представителей иных рас. Убийства и кражи, авантюры и таинственные исчезновения — вот классика нашей жизни. Кроме того, мы в отделе занимаемся всякими чуть более скучными делами вроде миграционных документов. И тайно следим за некоторыми гостями королевства. А других гостей — высокопоставленных — сопровождаем открыто, как телохранители.

Первые полгода в карьере каждого Ловчего — это тестовый период. Стажировка, во время которой тебя приписы-

вают к кому-то из старших сотрудников ведомства. Ты помогаешь им во всем, даже можешь решать дела самостоятельно, — но ты все равно «малек», и твой куратор отвечает за тебя головой.

Если ты с успехом прошел стажировку, то тебя автоматически повышают до Младшего Ловчего. При взаимном желании ты можешь продолжить работать вместе с бывшим куратором. Если стажировка не удалась, с тобой попрощаются.

Но есть и третий вариант.

Мой.

Когда все полгода прошли хорошо, даже отлично, но... При этом имеются две проблемы, препятствующие повышению. Во-первых, полное отсутствие магии — обязательной штуки в Шолохе, колдовской столице леса. Во-вторых, тот факт, что изначально на работу я поступила обманом.

Поэтому, когда срок моей стажировки закончился, начальство надолго задумалось, что со мной делать.

— Тише едешь — дальше будешь, — наконец решил шеф департамента мастер Улиус. — Давай пока продлим твой статус «малька», Тинавушка. Этого нам никто не запрещает.

— А потом? — спросила я.

— Еще раз продлим. — Улиус задумчиво поскреб соломенную бороду. — И еще. Потому что иначе нам придется созывать комиссию, чтобы она решала, оставить тебя или нет. А мой опыт показывает, что комиссия куда беспощаднее отдельно взятых людей и больше всего на свете боится возникновения неоднозначных прецедентов... Предлагаю всеми силами оттягивать этот неприятный момент. Однако ты, Польша, — наш главный шеф в цыплячье-желтом плащелетяге повернулся к Внемлющему, — все равно начини потихоньку писать для Тинави полноценную характеристику. Да побольше, побольше деталей! Не убедим их, так усыпим, если час расплаты все-таки стукнет.

— А что, он может вообще не стукнуть? — засомневалась я.

— Я постараюсь придержать его молоток. У главы ведомства много дел, и не факт, что он вскоре заметит ма-а-а-ленькую карточку с информацией о твоём случае. Очень маленькую. Я сам ее напишу. Думаю, год-другой у нас есть.

Шли месяцы, и шеф снова и снова, беззаботно посвистывая, продлевал мою стажировку. Его помощница и заместительница госпожа Селия из Дома Сгинувших, не слишком любившая нас с Польшей, недобро поджимала губы, но молчала. Я вне рабочего времени усиленно развивала навыки, которые могли бы заткнуть мою профессиональную брешь в виде отсутствия магии, а Польша вдохновенно писал характеристику.

Увлечен, кажется. Вон как иссиня-черными глазами сверкает.

Я хотела ехидно посоветовать ему пару подходящих для меня эпитетов — что-нибудь вроде «сногшибательная» и «несравненная», но вместо этого сдавленно ахнула: мы обогнули излучину реки, и из-за деревьев наконец появился искомый остров.

— Кошмар, — емко прокомментировал куратор.

Дом лепреккона выглядел ужасно. Он был большой, сделанный под человеческий рост, занимал островок почти целиком и мог похвастаться одним, но весьма настойчивым мотивом: над каждым окном висели прибитые головы животных.

Да уж, кажется, господин Эндерлан Очоа и впрямь неприятный сосед.

Мы пришвартовали лодку и пошли изучать все это поближе. Дверь в дом была заперта, и на стук никто не ответил. Тогда я достала из волос заколку и под мутным взглядом мертвого оленя начала ковыряться в замке.

Когда дверь распахнулась, выяснилось, что внутри дом выглядел еще хуже.

12 Везде были чучела. Рассевшиеся на подоконнике индюки; неудавшийся лис в углу; ядовитый угорь, мертвым канатом брошенный в прихожей... Особенно жутким казался огромный аванк, будто спящий прямо посреди кабинета, — трехметровая зубастая тварь, житель речных омутов, похожий на помесь бобра с крокодилом.

На стенах вместо картин висели газетные вырезки. Хозяин дома оформил их в рамочки и старательно подчеркнул названия статей:

«Культ Жаркого Пламени — разочаровывает церковь».

«Культ Жаркого Пламени — главные враги Чрезвычайного департамента».

«Культ Жаркого Пламени — очередная дурацкая мода нового поколения».

Возле каждой такой статьи лепреккон рисовал грустные чернильные рожицы... Кажется, заголовки ему не нравились.

Я обернулась к Полыни:

— Как думаешь, культ не может быть замешан в исчезновении лепреккона? — И сама же себе ответила: — Хотя вряд ли, раз они пытались его найти.

Куратор, неизменно рьяный в поисках загадок, уже с азартом перебирал письма и дневники исчезнувшего, сваленные на столе.

— Да, едва ли, — согласился он. — Эти сектанты — как нежные уточки, ей-небо. Разве что придуманные ими боги заставили Очоа провалиться сквозь землю — в наказание за плохое чувство ритма.

— Пф! Нужно будет рассказать нашим хранителям о конкурентах, когда они вернутся, — повеселим их.

— Если они вернутся, — машинально поправил Ловчий.

— Когда, — упрямо повторила я.

Он глянул на меня искоса, но ничего не сказал.

Дело в том, что трое из шести *настоящих* богов-хранителей еще в начале осени отправились в экспедицию по Пустошам Хаоса. Карланон, Авена и Рэндом ушли в эти стылые земли иного измерения, чтобы понять, что там происходит теперь, после гибели Зверя. И вот минуло уже много месяцев, а от богов — ни единой весточки!

Теннёт (еще один из их компании, живущий в Шолохе как человек, потому что лишился силы) говорит, что это нормально, ведь время везде идет с разной скоростью. Поэтому нет смысла переживать: возможно, в Хаосе пока что прошла всего лишь неделя или даже всего лишь один день.

Но это ему «нет смысла», бессмертному.

А мы можем состариться и умереть к тому моменту, как вернутся хранители. Даже если у них там все хорошо...

Мне взгрустнулось, как делалось грустно всегда, когда я думала о богах и несоразмерности их жизнью с нашими. Но

потом мне на глаза попалась еще одна бумажка, на сей раз листовка: «Клуб Жаркого Пламени — найди себе друзей!» И адрес.

М-да. И впрямь как нежные уточки!

Мы с Польшью прошлись по хижине туда и сюда, высматривая улики. Заодно порядок навели, бонусом, так сказать: сам лепреконе отличался чистоплотностью и жил в уютном бардаке. Аккомпанементом уборке было легкое жужжание за окнами: вайты не стали влетать в недружелюбный дом и остались на улице ждать своего кумира.

Я нырнула в арку в дальней стене и в конце коридора неожиданно обнаружила еще одну дверь, на сей раз открытую.

— Польшь! Иди сюда!

Дверь вела на обратную сторону островка. Все вокруг захватил густой орешник, но к воде шла прорубленная дорожка, заканчивающаяся длинной песчаной отмелью. На берегу был установлен навес, под которым висели багры, сети и удочки, разнообразные приманки. Видимо, здесь лепреконе пополнял коллекцию «речных» экспонатов.

Сейчас у порога валялось несколько порванных сетей и сломанных копий, а к реке вел широкий и мрачный след, будто проползло что-то огромное...

Польшь звонко щелкнул языком:

— Ага. Кажется, какая-то из пойманных тварей не согласилась стать чучелом.

«РЕКА», — подтвердили вайты.

Духи воздуха времени даром не теряли — они совместными силами выдули для нас сообщение на прибрежном песке. Мы с Польшью оценили помощь и горячо похвалили вайтов за инициативу.

14

— Давай поищем записи о том, кого в последнее время ловил Эндерлан Очоа, — предложил куратор, глядя на след, уходящий в воду.

Мы не могли с ходу определить, кто оставил его, ведь подводная жизнь Лесного королевства такая же разнообразная и насыщенная, как наземная. В наших реках и озерах водится бесконечное количество тварей и духов всех мастей — пожалуй, только служащие Лесного ведомства знают *весь* список.